

Яся Белая

СНЫ ПЕРСЕФОНЫ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б43

Белая, Я.

Б43 Сны Персефоны / Я. Белая. — М. : Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2022. — 270 с. — (Новые мифы).

ISBN 978-5-521-90098-5

Люди забыли прежних богов, но они продолжают жить среди нас, приспособиваясь к современным условиям — открывают флористические салоны, брачные агентства, участвуют в феминистских шествиях... Одним словом, принимают вызовы времени и учатся с ними справляться. Но вот только всё это напоминает им затяжной сон. А сон разума, как известно, порождает чудовищ... Но куда хуже, если чудовище видит сны.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
ВІSAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90098-5

© Белая Я., 2021
© Эвиле Э., оформление, 2021
© RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОН ПЕРВЫЙ: НАРЦИССЫ И ГРАНАТОВЫЙ СОК

... весна... цветущий луг...

— Мама, а почему у нас не растут нарциссы?

Девушка положила голову на колени молодой и ослепительно красивой женщины. Толстая коса цвета спелой пшеницы обвиняла её высокий чистый лоб, ветер плескал светло-желтый неплос. Идеально очерченные полные губы трогала мягкая улыбка.

Женщина нежно погладила девушку по медно-рыжим волосам и ответила:

— Зачем они тебе, доченька? Нарциссы надменны и холодны. Они никогда не станут любить тебя так, как... анемоны... Взгляни, как они тянутся к тебе! Ждут ласки от богини весны.

Девушка поднялась, расправила хитон из тонкого зелёного хлопка и вздохнула:

— Анемоны ветрены и непостоянны. Они любят всех. То ли дело завоевать нарцисс.

В её зелёных, как свежая весенняя трава, глазах отразился азарт.

Женщина мягко улыбнулась и покачала головой:

— Ох, милая Кора, лучше держись подальше от этих цветов. Нарциссы красивы только внешне. Но то опасная красота — внутри они полны ядовитой слизи. Они отравят тебя. Ты умрёшь и попадёшь к Аиду.

Кора рассмеялась серебристо и звонко:

— Мамоchка, я же Богиня Весны! Я бессмертна! Точно не умру от цветочной слизи!

И она вновь порывисто обняла мать.

Деметра поцеловала дочь в чистый лоб и попыталась отогнать дурное предчувствие. Чтобы заглушить его, Богиня Плодородия страстно прижала к груди своё единственное и обожаемое дитя...

И не видела, как широко распахнулись глаза Кору: за спиной матери выросстал огромный нарцисс. Его стебель раскалывался, и на землю вытекала ядовитая слизь — она аспидом ползла всё ближе и ближе между зелёных трав, гнутым кинжалом взблещивая среди цветов... Наливалась, алела и пахла... дурманяще и смертельно — гранатовым соком...

Я просыпаюсь, лихорадочно хватая ртом воздух. Слишком цепкий, слишком леденящий ужас выползает за мной из того сна. Никогда не досматриваю его до конца, но точно знаю, чем он закончится: гранатовый сок, смешанный со слизью, доберётся до Кору, пропитает её, и с этого момента каждый шаг её будет отравлен и смертелен. Поступь богини Подземной Весны — шествие чудовища, коему нет равных.

Я задыхаюсь, потому что страх удавкой сжимается на горле.

— Сейчас же спать! — раздаётся над ухом приказ. Такому можно только беспрекословно подчиниться. Меня обнимают сильные руки и утаскивают на подушку, бережно укутывают одеялом. — А Фобетора¹ поймаю — такой кошмар ему устрою...

Низкий бархатный голос действует успокаивающе. Устраиваюсь поудобнее в надёжном кольце рук, прижимаюсь к горячему мужскому телу и смыкаю веки. Теперь страшные, но вещи сны не придут. Муж всегда закрывает надёжнее любого щита. И всегда держит крепко, не отпустит, не отдаст никому. Даже тому чудовищу, что ворошится у меня внутри. Ему — особенно.

Я знаю...

¹ Один из сыновей Гипноса, бога сновидений; его имя переводится как «пугающий»; насыляет кошмарные сны.

* * *

... утро серое, как глаза Афины.

— Пасмурно, — говорит она.

— Осень... — пожимаю плечами. Смотрю на неё — подругу юности¹, вечно молодую мудрость и войну, чуть усталую и печальную. — Значит, отцу не скажешь?

В утреннем кафе пусто. У барной стойки, уткнувшись в айфон, сидит юноша-бармен, рядом скучает, пытаясь заглянуть ему через плечо, ярко покрашенная официантка. Тихо гудят лампы дневного света. Слишком тусклые, чтобы разогнать полумрак, в котором тонконогими оленятами маячат столики и стулья.

— Нет, — говорит Афина и качает чашечку густого кофе тонкими, но сильными пальцами. — Мы не хотим свадьбу. Тей говорит, вечер только для самых близких...

Тей у неё мудрый и вещий, всегда был таким, за то Зевс его и недолюбливал. А их союз уж точно не одобрит. Значит, свадьба рискует превратиться в побоище. Правильно, лучше вот так, тихо. Только близких... Интересно, кто они?

Она отвечает на незаданный вопрос:

— Позовём тебя с Аидом, Афродиту с Гефестом — без них никак, друг Тея же. Пару ребят-учёных из отдела ядерной физики.

— Смертных?

— Да, смертных, — она гордо вскидывает голову. — Ты что-то имеешь против?

— Я — нет, — заверяю искренне, — а вот Афродита будет кривить губы.

— Или строить им глазки, — невесело и немного устало улыбается Афина, — но я думаю, мы все вместе как-нибудь с этим справимся.

Хорошо, согласно киваю и вспоминаю ещё одну подругу юности:

¹ Кора (Персефона) росла вместе с Афиной и Артемидой.

— А Артемиду?

Афина отрицательно мотает головой:

— Она не простит. Я ведь предаю ваш обет.

В этом веке — сумасшедшем, вечно спешащем и вечно опаздывающем, веке мнимых свобод и неисполняемых правил — Артемида нашла себя. Здесь она активно возглавляла феминистские организации, проводила феминистские конференции и устраивала феминистские шествия. Сумасшедший век, где женщины идут войной на мужчин, забывая, что между ними может быть только одна война — на ложе любви. Меня Артемида простила — более-менее. В конце концов, похищение, принуждение, *ты не виновата*. Афине будет сложнее. Даже то, что она давала пресловутый обет, чтобы сохранить верность своему единственному, станет слабым оправданием.

— Но ведь ей всё равно придётся сказать.

Афина устало соглашается:

— Конечно, придётся. Если узнает сама — будет хуже. А так...

Она не договаривает, но я понимаю: глаза в глаза, держа за руки старинную подругу, рассказывать будет легче, и, может статься, та даже поймёт. Афина не зря — мудрость: иногда проще сказать правду, пусть болезненную, прямо в лицо, чтобы не дать разгореться войне.

Но мне за последние тысячелетия слишком надоели войны — домашние и мировые, мудрые и глупые, — поэтому я уволю разговор в более приятное и привычное для меня русло.

— Давай выберем цветы для букета.

Афина улыбается, машет рукой.

— Нет уж, тут ты сама как-нибудь. Я совсем ничего не смыслю в цветах, хоть и росла с тобой.

Я киваю, соглашаясь, и выкладываю на стол карточки:

— Узамбарские фиалки, ветки оливы, цветущий мирт и его ягоды, хамелауциум.

— Лилии, — неожиданно добавляет она, вытаскивая карточку из стопки.

Действительно, белые лилии — символ чистоты и девственности — ей подойдут.

— Эдельвейсы, — добавляю я ещё одну картинку.

И вижу — её глаза загораются тихой радостью. Ещё бы! Эдельвейс — цветок мужества и стойкости, не зря зовут Прометеевым. Ведь он растёт высоко в горах, куда добираются только самые смелые и отчаянные. Говорят, этот цветок вырос из капель Прометеевой крови. Светлая и прекрасная звезда, которая манит людей, зовёт совершать подвиги, будоражит ум. Тею определенно будет приятно.

— Добавим крупноцветковый барвинок и листья дуба, можно и немного желудей. И цинерарию — для серебристой нежности.

Символ житейской мудрости тоже будет кстати в букете Афины.

Та с одобрением смотрит на разложенные перед ней изображения цветов.

— Это определённо будет самый красивый букет невесты. Спасибо, Кора.

Она тянется через стол и целует меня в щёку.

Тут открывается дверь, тихо звякая привязанным к ней колокольчиком, вскидывается официантка, бармен отрывает взгляд от экрана айфона, я проливаю кофе прямо на фотографии растений...

На пороге маленького городского кафе, блистая державной красотой, стоит сама Гера. В ярко-красном лёгком пальто, строгом бело-песочном брючном костюме. Темные с золотым отливом волосы собраны в высокую причёску.

Величественным шагом царицы мира она направляется к нам, игнорируя кинувшуюся к ней официантку с меню.

Присаживается на свободный стул — прямая, гордая, совершенная. Даже пролитый мной кофе мгновенно высыхает, не смея при ней марать белизну скатерти. А я поспешно отвожу

взгляд, чтобы ненароком не встретиться с её глазами и не прочесть в них то, чего не следует знать посторонним о великой богине, — обречённую усталость сломленной женщины.

— Без меня хотели всё устроить, — пеняет она, впрочем, беззлобно. — Не боишься прогневить покровительницу семейного счастья, а, Афина?

Она только усмехается — кто бы говорил о семейном счастье! Что ты о нём знаешь? И отвечает прямо и гордо:

— Нет, не боюсь. Вряд ли кара будет страшнее той, которой отец уже подвергал Тея. А мне — ты не указ и не авторитет.

Гера как-то скисает. Раньше бы она вспылила, разгневалась, указывала Афине на её место и напоминала, с кем та разговаривает. Но не теперь, когда они с Зевсом расстались окончательно, и спеси у бывшей владычицы изрядно поубавилось. Облик Геры ещё хранит следы бывшего величия, но уже заметно, что кое-кто изрядно поизносился, как и её некогда брендовая одежда.

Я не злорадствую, хотя могла бы, скорее, мне неловко рядом с ней.

Гера накрывает ладонью раззолоченную визитку брачного агентства «Счастливая семья», уставляется в стол и замолкает. Ей нечего сказать — она и впрямь не авторитет в семейных делах. Да и может ли им быть женщина, чей супруг постоянно изменял ей с титанидами, богинями, нимфами и даже смертными, бесцеремонно притаскивая на Олимп своих многочисленных отпрысков?

Я поднимаюсь, беру сумку и плащ.

— Побегу, — сообщаю, чтобы хоть как-то прервать это гнетущее молчание, — у меня сегодня ещё одна невеста. Скоро придёт.

Чмокаю Афины в щёку, киваю Гере и бегу к выходу, но вдруг замираю, пронзённая внезапной догадкой. Медленно поворачиваюсь, уставляюсь в макушку Геры, где поблёскивает золотом черепаховый гребень, и спрашиваю:

— Как ты нас нашла?

— С.О.Б., — с неприкрытым ехидством отзывается она. — Твой муж опять активировал.

Я поспешно выскакиваю на улицу и не спешу одеваться, несмотря на противный моросящий дождь. Потому что страх ядовитой слизи растекается по телу, парализует движения и мысли.

Если Аид снова активировал «Систему Отслеживания Богов», значит, случилось что-то очень-очень плохое.

* * *

Своего красного «Жука» паркую недалеко от входа во флористический салон «Весенний сад».

Едва открываю дверь и вхожу, как Левкиппа, Фено и Иахе перестают отбирать цветы для сегодняшних заказов и с улыбками оборачиваются ко мне:

— Радуйся, Кора!

Для них я — всегда и вечно — Кора¹. Наверное, так правильно. И им лучше меня не знать Персефой, Богиней Подземной весны, чудовищем с отравленными шагами.

И мне нерадостно, мне страшно. Слишком много задушенных когда-то опасений повылезло из темных уголков подсознания, слишком много монстров тянет мохнатые лапы к горлу: перекрыть дыхание, замордовать, уморить.

— Радуйтесь, — отвечаю почти на автомате и бреду в кабинет.

Каллигенейя за секретарским столом всматривается чересчур внимательно, понимающе приподнимает очки. И даже фокус за её спиной, кажется, видит меня насквозь.

— Принести чего-нибудь? Чай, кофе, покрепче? — обеспокоенно интересуется моя верная стражница. Сначала её ко мне

¹ Кора – в дословном переводе – «дева», «девушка» – греческая богиня весны и всходов, дочь Деметры. Позднее её культ сольётся с культом более древней богини Персефоны. С тех пор Персефона будет носить двойное имя: когда она с матерью на поверхности – она Кора, сходя к мужу в аид – Персефона.

для этих целей приставляла мама, теперь она спелась с моим мужем. Чуть что со мной не так — сразу докладывает ему, словно не я её босс.

Я немного злюсь, потому что попасть от гиперопеки матери под диктаторскую заботу мужа — то ещё удовольствие. Но я не жалуюсь. Нельзя. Начнешь жаловаться на тех, кто тебя искренне любит — любовь оставит тебя. Не верите — спросите у Афродиты. Каллигенейя тоже любит меня, и поэтому я прощаю ей — моей надсмотрщице — звонки мужу, как прощала раньше доклады маме.

— Пока ничего не нужно, — мягко отзываюсь. — Скоро подойдёт невеста. Проводи ко мне.

— Хорошо.

Я вхожу в свой кабинет и падаю в кресло. Внутри всё колотится и клокочет. Руки тянутся или к телефону — позвонить, выпросить, что произошло, — или к тонкой полоске золота на безымянном пальце: стоит коснуться — и голос мужа зазвучит в голове. Никаких телефонов не надо. Но это глупо. Он обязательно расскажет всё сам. А отвлекать сейчас, когда он и так, наверное, взвинчен до предела, ещё и своими страхами с предчувствиями — эгоистично и по-детски.

А ещё Гера и этот её потерянный вид, потрёпанное величие, сломанность... Не знаю почему, но каждый раз мне стыдно перед ней. Стыдно ещё с того наказания после бунта на Олимпе...

Кора только вернулась из Подземного царства. Она уже успела переодеться в светло-зелёный хитон, вплести в волосы цветы, когда в комнату вошла мать.

Деметра шагнула к ней без обычного «радуйся» и заключила в объятия. Только теперь дочь заметила, что глаза матери полны слёз. Сейчас она чувствовала себя более взрослой, усадила Деметру на дифр¹ у стены, протянула отвар из листьев мяты (за-

¹ Дифр (иногда дифрос, от др.-греч. δίφρος) — легкий табурет у древних греков и римлян.